

Джузеппе Фанелли

Эррико Малатеста

1 августа - 16 сентября 1925

Оглавление

От «Молодой Италии» к «Интернационалу»	3
Личные воспоминания	8
***	9
***	11

От «Молодой Италии» к «Интернационалу»

В римской ежедневной газете «Il Mondo» от 12 апреля 1925 года появилась статья под заголовком: «Патриот из Мартины: Джузеппе Фанелли», написанная Джузеппе Кьярелли, возможно, салентинцем.

Поскольку имя и дело Фанелли мне дороги и фигурируют среди моих исторических записок как те, к которым я отношусь с особой заботой; и поскольку мои долгие исследования о Фанелли позволяют мне сказать новое слово о нем, которое не было оставлено «на полном полуденном свете», как сказала «Il Mondo» о своей публикации, мне кажется обязательным исправить и поправить некоторые из различных ошибок и неточностей, в которые впал Кьярелли; и, не имея намерения садиться на трон верховного жреца, я надеюсь, что мои замечания смогут открыть путь, посредством публичной дискуссии, к новым исправлениям и разъяснениям по этой интереснейшей теме. Я сразу отправил по этому поводу директору «Il Mondo», синьору Альберто Чианка, статью, которую воспроизвожу ниже; но, к моему удивлению, я обнаружил, что она не увидела света, более того, что газета не почувствовала необходимости в новом упоминании о ней, если не в обязательном, вежливом, которое оправдало бы непростительное молчание.

Это первый раз, когда со мной происходит подобное обращение. Я приписываю это недоразумению почте, не имея возможности предположить, что честные и свободные люди хотят скрыть историческую правду, какой бы она ни была; или, что еще хуже, пытаться покрыть молчанием чужие ошибки, с неизбежным ущербом для самой исторической правды.

Прошу поэтому, чтобы моя статья, резюмирующая широко разработанные в моем неизданном профиле сведения, была опубликована, и чтобы Малатеста, вызванный к ответу, сообразовал предоставить мне те разъяснения, которые действительно могут вернуть мысль и дело салентинца Джузеппе Фанелли.

Тем временем я позволяю себе обратиться со страниц этого Обозрения с горячей просьбой к друзьям-исследователям Неаполя, Сицилии, Тосканы, Испании и Франции, чтобы они поиском новых сведений, документов и публикаций того времени сотрудничали с нами, чтобы вырвать из несправедливого забвения память о человеке, прожившем ради дела всесторонней человеческой свободы.

Статья, уже отправленная в «Il Mondo» с заголовком, который я сохранил выше, такова: я добавляю к «Pensiero e Volontà» несколько заметок, которые мне кажутся необходимыми.

«Труд, достойный похвалы в любую эпоху, – это поминовение великих умов, преданных идее; это долг гражданина – прославлять их в мрачные дни рабства.

Хорошо сделал Кьярелли, вспомнив салентинца Джузеппе Фанелли; но нужно сразу сказать, что автор статьи, ограничившись повторением того, что уже известно о нем, не выполнил работу по углубленному исследованию. Хотя он заслуживает безоговорочной похвалы за исследования, которые он предпочитает и которые действительно заслуживали бы иных поощрений, его следует поправить в различных утверждениях, чтобы какое-либо его неточное сведение не породило новых ошибок, которые веками тянутся в монографиях по истории Апулии в целом и Саленто в частности с серьезной потерей времени для последующих исследований.

Представляется, что Кьярелли в своей статье приписал Фанелли биографические элементы, относящиеся к нескольким салентинцам, таким как Морелли, Карбонелли и Браико; и что в заблуждение его ввели неточные писатели, которые очень часто нагромождают сведения без какой-либо критической оценки.

Если приходской архив героической Мартины Франки в порядке, первое исследование о Фанелли должно быть проведено среди этих бумаг. Насколько мне известно, салентинские и несалентинские писатели называют датой его рождения 1826 год, а не 29-й; и первые все согласны поместить его в Мартину.

Правда, что Официальный список Тысячи указывает его родившимся в округе Монтекальварио, но я повторяю еще раз, что этот документ нужно исправить. Согласно ему, даже Винченцо Карбонелли из Таранто родился бы в Секондильяно!¹.

Ученый Лелио Мария, отец Фанелли, находился в Неаполе до 1793 года; но это не является достаточной причиной, чтобы утверждать, что его сын родился там, тем более что один земляк и современник Джузеппе – Пупино Карбонелли – говорит, что он «уроженец Мартины Франки»².

На юного Фанелли огромное влияние оказал тот героический и либертарный дух Карло Пизакане; и не исключено, что они познакомились в 48-м, во время войн в Ломбардии, и что их дружба укрепилась в 49-м в рядах армии Римской республики, оборону которой готовил Пизакане.

Серьезной работой было бы пролить свет на отношения Мадзини с изгнанником Фанелли около 1850 года и в последующие годы. Около 54-го года он, возможно, был в Генуе среди заговорщиков; точно в 56-м находился в Неаполе по поручению Джузеппе Мадзини, скрываясь под псевдонимом Уилсон. Он руководил тогда неаполитанской секцией «Молодой Италии» вместе с Миньоной и другими салентинцами, и советовал Аджезилао Милано сдерживать царевубийство, пока не будут готовы оружие и помощь для всеобщего восстания. Его не послушали. Во второй декаде июня 1857 года он договорился с Пизакане о высадке в Сапри; после катастрофы и розыска бурбонской полицией он снова эмигрировал, продолжая готовить восстания в Неаполе и Сицилии.

Когда его арестовали? Когда приговорили к смерти? Каким был знаменитый процесс, который его поразил? Вот вопросы, требующие терпеливых исследований, чтобы ответить, выходя из обычных неопределенностей. Несерьезно для историка легко выдвигать неконтролируемые утверждения. Я смог установить, что некий

¹ C. Teofilato – *Intorno a G. B. Bonifacio*. В журнале «Fede» из Лечче, год II, выпуск от 15 марта 1924, стр. 102.

² G. Pupino-Carbonelli – *Nicola Mignogna nella Storia dell'Unità d'Italia*. Неаполь, A. Morano. 1889, стр. 126, сноска.

салентинец, которому писатели приписывают смертный приговор, на самом деле никогда не был осужден.

Следует также спросить, где и когда Фанелли подвергся пытке дыбой. Это явно результат недоразумения, потому что эта жестокость применялась к Сальваторе Морелли из Каровиньо. Фактически, именно он отказался от помилования за спасение детей в опасности утонуть, и вместо этого получил освобождение некоего несчастного каторжника, своего товарища. Если я ошибаюсь, желаю быть исправленным.

В 1860 году Фанелли встретился с Никотерой на поле Калатафими и пожал ему руку как выжившему в Сапри. Тот уклонился и назвал его предателем. Фанелли бросился с намерением задушить его; друзья вмешались, но между двумя соперниками разверзлась бездна ненависти, которую Гарибальди не смог умиротворить. «*Maïoga premunt*». Впоследствии, после Протеста Пия IX против вторжения в Умбрию и Марке, бурбонцы и паписты начали повсюду разбойническую реакцию. Тогда Джузеппе Фанелли организовал в Неаполе «Охотников Везувия» для борьбы с реакцией, и был ранен.

Затем Гарибальди отдал королевство Обеих Сицилий, но Фанелли, с трауром в душе, покинул его. В том году, с болезненным разрывом Фанелли со своими старыми товарищами по оружию, итальянская революционная мысль закрыла двери ветрам социальной борьбы. В этом истинное величие Фанелли.

Я не знаю, кто написал, что он имел высокие воинские звания после 60-го года, и что он последовал за Медичи в 66-м. Здесь также очевидна путаница, произошедшая между событиями его жизни и теми, что касаются жизни Чезаре Браико из Бриндизи, который имел звание майора среди Тысячи, как и Карбонелли, и о котором я говорил в первых номерах этого журнала³. Этот несчастный умер в сумасшедшем доме: Фанелли же умер, правда, в лечебнице, мучимый тяжелыми нервными расстройствами, но не сумасшедшим.

Обычно авторы мемуаров не могут отдать себе отчет в забвении, в которое он впал после своей смерти; и некоторые приписывают это клейму предателя, брошенному ему Никотерой из-за событий с Пизакане.

Необоснованность этого извращенного обвинения в предательстве доказала благородная Роза Моричи; и сам Никотера должен был склонить голову перед неопровержимыми документами, ныне хранящимися в Музее Сан-Мартино в Неаполе.

Причина несправедливого забвения Фанелли, наоборот, совсем другая. Впервые я разъясню ее в этой статье.

Его избрание депутатом в Коллегии Монополи, состоявшееся 18 ноября 1865 года (IX Законодательный орган), как и другое от 20 марта 1867 года (X Законодательный орган), было гордым протестом против подлостей и клеветы его врагов. Уже в 64-м году он установил контакт с известным писателем-анархистом – русским Михаилом Бакуниным – в Международном братстве; в 1867 году он отправился в Париж с сицилийцем Фрисчия и апулийцем Кафиеро; и когда открылась Всемирная выставка, он там напился до пьяна новых идей и начал развивать новые социологические исследования. По этой причине он вступил в Лигу Мира и Свободы.

³ C. Teofilato – *Cesare Braico*. В «The Connecticut Magazine» (Articles in English and Italian), vol. III, N. 4, стр. 7, 8, 22, 23, 25, 25, 39, 30). New Britain, February 1925.

Вернувшись к нам, он стал основателем самых первых секций Социалистического Интернационала в неаполитанском регионе, и был первым социалистическим депутатом, заседавшим в итальянском парламенте, когда у социализма еще не было партии и разные течения не подрывали его ряды.

В сентябре 1868 года я нахожу его в Берне с Бакуниным, на Конгрессе Мира, который проходил под председательством Виктора Гюго. Он пытался с великим географом Элизе Реклю добиться от Конгресса решения, что Лига ставит своей целью равенство классов и индивидов, но, потерпев поражение, вместе с могучим меньшинством, он сразу основал Международный Альянс Социалистической Демократии, который объявил себя сторонником атеизма и отмены всех политических и социальных привилегий⁴.

Затем, в Испании, в двухлетие 68-69 годов он основал в Мадриде и Барселоне секции Интернационала, действуя всегда, не оставляя следов о себе, молчаливый как Пифагор.

Он был делегатом от Флоренции на III Конгрессе Интернационала в Базеле, который проходил с 6 по 12 сентября 1869 года.

Эксплуататоры и продажные люди яростно восстали против его интернационалистской деятельности. Они изгнали его из Коллегии Монополи, но верные друзья из Салерно, старые мадзинистские заговорщики, избрали его депутатом от Торкьяры 5 декабря 1870 года, в XI Законодательный орган. В этот промежуток времени, кажется, даже Неаполь присоединился к протесту в его пользу, избрав его муниципальным советником. Конечно, в Неаполе он был среди самых активных революционеров: в 1871 году он организовал секции с либертарием Кафиеро и участвовал в экстремистских собраниях и конгрессах.

К счастью, жив человек, который еще может рассказать о нем; и это Эррико Малатеста.

15 сентября 1872 года Фанелли присутствовал с Малатестой на V Конгрессе Интернационала, состоявшемся в Сент-Имье, в швейцарской Юре, где в качестве члена Итальянской Федерации он подтвердил антиавторитарные социалистические теории вместе с Андреа Костой, Набруцци и другими⁵.

В 1874 году козни врагов сумели победить его на выборах, когда Мингети был президентом Совета министров. Но у него не было ребяческого честолюбия к своей

⁴ Программа Альянса, продиктованная Бакуниным, гласила: «Альянс объявляет себя атеистическим; [...] Он прежде всего добивается политического, экономического и социального уравнивания классов и индивидов обоего пола, [...], и чтобы [...] земля, орудия труда, как и вообще всякий капитал, становясь коллективной собственностью общества в целом, могли использоваться лишь тем, кто трудится, то есть сельскохозяйственными и промышленными ассоциациями [...]. Он признает, что все существующие в настоящее время политические и властные Государства, все более и более сводящие свои функции к простым административным функциям общественных служб в своих странах, должны будут исчезнуть во всеобщем союзе свободных Ассоциаций, как сельскохозяйственных, так и промышленных» («ПРОГРАММА Международного Альянса Социалистической Демократии», осень 1868, известен также как «программа открытого Альянса»).

Достаточно искреннего и верного присоединения к этой программе, чтобы поставить «на полном полуденном свете» философскую мысль и политическое действие итальяннейшего *почтенного* Джузеппе Фанелли

⁵ На Конгрессе Итальянской Федерации выступили: Бакунин, Джузеппе Фанелли, Кафиеро, Коста, Малатеста и Набруцци.

должности; он пользовался ею для своих социальных целей. В то время как в 76-м его старый противник Никотера спасал свою должность в Министерстве внутренних дел, под председательством Де Претиса, Джузеппе Фанелли, истощенный столькими битвами, медленно угасал. Здесь вся трагедия его великой жизни.

Известие о смерти агитатора, Бакунина, в Берне (1 июля 1876 года), правой рукой которого он был в Италии и самым дорогим и близким другом, братом, смертельно поразило его. Фанелли скончался на следующий год, в 77-м, и заслужил почетное упоминание в «Записках революционера» русского мыслителя Петра Кропоткина, историческом труде первостепенной важности⁶. Также в трудах Франческо Криспи находятся сведения, касающиеся его.

Смерть Фанелли оплакивали повсюду: интернационалисты видели в нем доброго и смелого, одного из лучших, потому что среди самых образованных и умных; народ лишался своего защитника. Муниципальный совет Неаполя, при печальном известии, прервал заседание в знак траура, и велико было смятение в Тоскане и Испании.

Вражеский гнев, который Фанелли испытал в преследованиях старых и новых полиций, все еще бушующих за гробом, пытался похоронить имя и идею. Но история возвращает и то, и другое, и кричит людям земли:

— Слава Джузеппе Фанелли, который сумел обнять Отечество и Человечество! Слава ему, который сумел высоко держать знамя и умереть в вере!

Чезаре Теофиладо.

Не имея возможности в этом номере, из-за нехватки места, я расскажу в следующем номере мои воспоминания о Фанелли.

Эррико Малатеста.

⁶ Петр Кропоткин (*Записки революционера*, «Петербург. Первая поездка за границу», «Х. Влияние Бакунина. – Социалистическая программа») говорит, что «После того как Бакунин переселился в Локарно, он создал» либертарное социалистическое движение «в Италии и Испании (при помощи симпатичного, талантливого эмиссара Фанелли)».

Весьма примечательно то, что Михаил Бакунин не считал препятствием, для по существу либертарного движения, Джузеппе Фанелли, который, однако, сохранял должность *депутата Итальянского парламента*.

Личные воспоминания

Я не знаю ничего особенного о Фанелли-патриоте, мадзинисте, гарибальдийце.

В то время, когда я познакомился с ним (в 1871 году) и был с ним в близких отношениях, я, еще совсем юный, недавно вступил в *Интернационал* и сразу же оказался в резком конфликте с теми «патриотами», которые, хотя и сражались и страдали в борьбе против прошлых тиранов и говорили, что хотят свергнуть новые монархические учреждения, но питали отвращение к *Интернационалу* за отрицание идеологий, которые были им дороги, и видели в самостоятельной организации трудящихся угрозу своему положению вождей, или второстепенных вождей, авангардных партий. Это, вместе с общей тенденцией у ребят верить, что история начинается с них, побуждало меня недооценивать усилия, предпринятые до нас, и ценить в Фанелли и других, пришедших в *Интернационал* из рядов борцов за итальянскую независимость, больше их прошлое, чем то, что с этим прошлым ставило их в оппозицию.

Отсюда и малый интерес к сбору биографических сведений. Впрочем, Фанелли был очень сдержан и скромен, и если иногда позволял себе рассказывать, особенно если в рассказе была какая-то комическая нота, он никогда не любил, чтобы его расспрашивали.

Вот во всяком случае то, что я знаю о первом периоде жизни Фанелли, о периоде борьбы за Рисорджименто.

Он был мадзинистом и в близких личных отношениях с Мадзини.

Он плел заговоры с Пизакане, и как глава неаполитанских мадзинистов-конspirаторов взял на себя обязательство поддержать и помочь экспедиции и ответить на инициативу Пизакане попытками восстания в столице и других местах: чего он не смог сделать из-за различных препятствий и особенно потому, что высадка произошла в другом месте и в другое время, вопреки намеченному.

Он был одним из Тысячи гарибальдийской экспедиции, высадившейся в Марсале; а затем сражался на континенте как командир гарибальдийских отрядов против остатков бурбонских сил.

Из эпизодов вспоминаю эти.

Он анонимно присутствовал на суде военного трибунала, который приговорил его к смертной казни заочно.

Однажды, в 1860 году после вступления Гарибальди в Неаполь, он находился во главе отряда гарибальдийцев, не помню, в Венассо или Изернии, когда страна была окружена многочисленными бурбонцами, которые уже превращались в бандитов и систематически пытали и убивали всех «либералов», попадавших им в руки. Фанелли, не видя возможности успешно противостоять неравному бою, прибег к следующей уловке. Он знал, что крестьяне региона были яростно враждебны гарибальдийцам. Он взял одного из них, дал ему денег и поручил тайно отнести письма по вымышленным адресам; затем написал серию записок и велел с большой рос-

кошью и предосторожностями зашить их в подкладку куртки крестьянина. Из этих записок следовало, что он располагает огромными силами и что с минуты на минуту должны прибыть новые гарибальдийские войска и взять осаждающих в клещи. Как Фанелли и предвидел, крестьянин отнес письма бурбонскому командиру, который поверил в опасность и поспешил снять осаду.

Фанелли пользовался среди своих товарищей славой человека безграничной храбрости, холодного, спокойного, невозмутимого. Действительно, он питал большое презрение к хвастунам. Он обычно говорил, что вообще видел, как те, которые, когда враг был далеко, напускали на себя вид страшных людей, затем плохо проходили проверку огнем; в то время как многие юнцы, с виду робкие и даже боязливые, на деле сражались и умирали как герои.

Мы подходим к Фанелли-интернационалисту, к Фанелли-анархисту-социалисту.

Фанелли, возможно, уже подготовленный к принятию социалистических и либертарных идей своими связями с Пизакане, был среди первых, кто завязал близкие отношения с Михаилом Бакуниным, когда тот приехал в Италию (с 1863 по 1867 год) и начал бороться с религиозными и националистическими концепциями Джузеппе Мадзини, основав в противовес мадзинистскому «Всеобщему Альянсу» «Альянс Социалистической Демократии»¹, который сначала состоял только из итальянцев, но вскоре стал действительно интернациональным с присоединением революционеров из всех стран и оказал решающее влияние на распространение *Международной Ассоциации Трудящихся* («Первого Интернационала») и на придание анархо-социалистического направления его латинским секциям.

Альянс бакунистов был тайной организацией, и это соответствовало темпераменту Фанелли, старого заговорщика, привыкшего к требуемой строгости и сдержанности. Он был важным членом (*международным братом* согласно иерархии и номенклатуре, принятым *Альянсом*). Вместе с ним в *Альянс* вошли, среди прочих, Карло Гамбуцци и Альберто Туччи из Неаполя, Аттаназио Драмис из Манфредонии, уже сообщник Аджезилао Милано, Саверио Фрисчия, известный врач-гомеопат из Шакки, и Кармело Палладино из Каньяно Варано, человек больших надежд, но который, к сожалению, из-за личных вопросов был убит в расцвете лет.

Фанелли поехал в Париж в 1867 году вместе с Фрисчия (не с Кафиеро, который вошел в движение только в 1871 году) по случаю Всемирной выставки, и это расширило его связи с международным революционным миром.

В 1868 году вместе с Саверио Фрисчия и Альберто Туччи он был в Берне, на втором Конгрессе *Лиги Мира и Свободы*, где Бакунин своими памятными речами пытался заставить принять идеи Интернационала Рабочих, и, потерпев поражение от радикально-буржуазного большинства, удалился вместе с меньшинством, среди которого были Туччи, Фрисчия и Фанелли, чтобы полностью посвятить себя *Альянсу и Интернационалу*.

¹ Это объединение позже, из-за значения, которое придали слову *социальная демократия* немецкие властные коммунисты, сменило название и стало называться «Союз социальных революционеров».

Мне не известно, был ли Фанелли на Базельском конгрессе в сентябре 1869 года (IV конгресс *Интернационала*), где единственным итальянским делегатом, упомянутым в отчетах, является Капоруссо из Неаполя.

В ту эпоху, возможно, Фанелли все еще находился в Испании, куда отправился в конце 1868 года по поручению *Альянса*.

Работа, которую Фанелли проделал в Испании, – величайшая слава второго периода его жизни. Он проявил выдающиеся способности в умении выбирать людей, с которыми организовал тайные ячейки *Альянса*, которые в свою очередь основали Секции *Интернационала*. Это были люди, выбранные Фанелли: Мораго, Лоренцо, Фарга Пеллисера, Виньас и другие, которые создали в Испании, или точнее в некоторых регионах Испании, таких как Каталония и Андалусия, то рабочее движение, вдохновленное анархическими идеями, которое было и, несмотря ни на что, остается одним из самых важных и многообещающих в мире.

Вернувшись в Италию, Фанелли был одним из самых деятельных пропагандистов и организаторов *Интернационала*, оставаясь при этом одним из наименее известных из-за своего сдержанного и конспиративного темперамента и особенно из-за рода работы, которой он посвящал себя, а именно отбора и обучения тех людей, которых он считал способными добиться успеха. Он был немного нашим папой, и поскольку, будучи депутатом парламента, мог путешествовать бесплатно, был также нашим коммивояжером. Это было время, когда анархистов по всей Италии было несколько десятков. Мы все были близко знакомы, и как только появлялся новый, Фанелли сразу отправлялся в миссию, чтобы познакомиться, изучить, оценить новое пополнение.

Помимо темперамента и личного вкуса, Фанелли не мог оказывать прямого влияния на массы из-за предубеждений, которые вызывало его качество депутата.

В ту эпоху ограниченного избирательного права рабочие рассматривали депутата как члена ненавистного правительства, как врага и, особенно на Юге, просто как вора. Ах! как было бы лучше, если бы массы остались в таком расположении ума!

И не только рабочие так низко ценили депутатов. Значительная часть буржуазии думала не иначе.

Пусть послужит доказательством следующий факт.

Я был студентом и жил с моим братом и старой тетей, которая заменяла нам маму после того, как мы остались сиротами.

Время от времени меня навещал Фанелли, и мы уединялись для тайной беседы в моей комнате. Тем временем я начал попадать под наблюдение полиции, подвергаться обыскам и попадать в тюрьму. Моя тетя встревожилась, и так как она очень меня любила, думала и говорила, что я хороший мальчик и что вина за то, что со мной происходит, лежит на «плохих товарищах». Естественно, мамы моих товарищей говорили то же самое о своих сыновьях!

Однажды наконец тетя отвела меня в сторону и со слезами на глазах прочитала мне нотацию, а затем сказала: «Но в конце концов, можно узнать, кто этот синьор Фанелли, который приходит говорить с тобой тайком? Это что-то мне не внушает доверия». Я попытался успокоить ее и, среди прочего, сказал ей, что Фанелли – депутат парламента. Но тотчас тетя, став суровой, воскликнула: «Как? депутат! И тебе не стыдно? Твой отец был порядочным человеком, а ты якшаешься с этими людьми, не думая, что так позоришь семью!». Я постарался объяснить ей, что Фанелли

– честный человек, который из-за своей честности жил в нищете; она, казалось, успокоилась и в конце концов даже заговорила с Фанелли; но я думаю, что ту историю с депутатом она так и не переварила.

Я сказал тете, что Фанелли жил в нищете, и это была правда. У него была пенсия в тысячу лир в год, которая полагалась ему за то, что он был одним из Тысячи Гарибальди, и это было все, на что он жил. Поскольку он дорожил своим «достоинством» и хотел одеваться хотя бы прилично, после того как одевался и платил за комнату и прачку (он был холостяком), на еду и другие первостепенные жизненные нужды оставалось мало. Он считал частью «достоинства» не выставлять напоказ свою стесненность; но я знал, что иногда он проводил день на один сольдо жареных каштанов (*allessa* называли их неаполитанцы, и в ту эпоху их было 30 за сольдо). Когда ему совсем не хватало и он хотел немного поправить дела, он брал пароход и путешествовал из Генуи в Неаполь, в Палермо и обратно, потому что как депутат имел право на бесплатный проезд в первом классе, включая питание.

Излишне напоминать, что в ту эпоху депутаты имели бесплатный проезд и плату, но никакого жалования или вознаграждения, и когда они не торговали своим мандатом и не имели средств или доходной профессии, оказывались в печальных условиях.

Не помню теперь ничего другого личного о Фанелли.

Мысль о нем глубоко меня трогает. Он был апостолом и борцом: человек, во всех отношениях достойный служить примером.

Хочу воспользоваться случаем, чтобы объяснить загадку, которая смущает многих из тех, кто занимается историей Интернационала или анархического движения.

Как получилось, что анархисты, которые всегда были антипарламентаристами и абсентеистами, имели среди себя – и в первых рядах – двух депутатов: Джузеппе Фанелли и Саверио Фрисчия?

Я не знаю, выдержали бы мы сейчас, возвращаясь к условиям той эпохи, такое противоречие; но несомненно, что тогда факт быть депутатом, – в то время он давал нам преимущество иметь кого-то, кто мог путешествовать бесплатно – вещь первостепенной важности, учитывая нашу скудость средств. Этот факт не имел тех неудобств, которые приобрел позже.

В ту эпоху голосовали только немногие цензовые, и наши товарищи, Фрисчия и Фанелли, были избраны по чисто личным причинам несколькими сотнями их друзей. Им не нужно было произносить речи и предвыборные программы, ничего обещать, давать надежду на парламентскую деятельность и таким образом отвлекать народ от прямой борьбы за свое освобождение. Социализм и анархия не имели ничего общего с их избранием и не получали от него вреда.

Расширение избирательного права, а затем всеобщее избирательное право изменили вещи; но к тому времени Фрисчия и Фанелли были уже мертвы.

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Эррико Малатеста
Джузеппе Фанелли
1 августа - 16 сентября 1925

Pensiero e Volontà, год 2-1 №9, №11

ru.anarchistlibraries.net